

«Я СЛУЖУ ДЕЛУ, НАУКЕ И ИМЕНИЮ СТРОГАНОВЫХ – МОЕМУ ОТЕЧЕСТВУ...»

(К 200-летию со дня рождения
Александра Ефимовича Теплоухова)

Н.В. Голохвастова,
кандидат исторических наук,
начальник научного отдела,
Западно-Уральский институт
экономики и права

В год 200-летия со дня рождения легендарного ученого – Александра Ефимовича Теплоухова есть повод еще раз рассказать о нем. О деятельности А.Е. Теплоухова – основателя российского научного лесоводства, сыгравшего значительную роль в развитии лесного хозяйства, заложившего принципы рационального лесопользования, подробно рассказывается в предыдущей публикации Н.Н. Чернова. В настоящей работе предпринята попытка описать личность Александра Ефимовича Теплоухова как представителя уникального явления – «строгановской крепостной интеллигенции». В доступных для широкой публики источниках явно недостаточно информации о его творчестве педагога и просветителя, административно-управленческом таланте, высоких нравственных качествах. Представленная на суд читателя статья дает возможность рассказать о разных проявлениях этой удивительной личности, оценить огромный вклад А.Е. Теплоухова в превращение села Ильинского – «столицы» пермских вотчин Строгановых – в один из ярких культурных центров провинциальной России.

Одним из значительных культурных регионов Урала 19-го века по праву считают пермские вотчины Строгановых – не только крупных землевладельцев-дворян, но и известных государственных и общественных деятелей, меценатов, входивших в число самых образованных людей России того времени. В административных и заводских центрах прикамских строгановских владений, особенно в

«столице» Пермского нераздельного имения (майората) графов Строгановых – селе Ильинском – сформировалась своеобразная группа крепостных, представители которой явственно выделялись из массы зависимого населения по характеру занятий, условиям труда и быта, материальному положению, образовательному и культурному уровню, по своему менталитету, социально-психологическим особенно-

стям. Основным занятием крепостных служащих была работа в системе управления таких сложнейших многоотраслевых комплексов, какими являлись пермские горнозаводские имения. История этой социальной категории – так называемых «служителей» – насчитывает более трех веков: появившись в середине XVI века, они продолжали свою деятельность на земле прикамских вотчин и после отмены крепостного права.

Ряды служителей пополнялись в основном за счет «воспроизводства»: владельцы предпочитали давать образование «наиболее способнейшим из детей служителей в таких заведениях, по окончании курса в которых они могли бы с пользой служить в имении».

Одним из результатов этого стало формирование целых династий служительской интеллигенции, когда на протяжении долгого времени продолжалась не просто цепочка служителей, но и настоящих профессионалов в какой-либо отрасли производства, науки, искусства. В семьях строгановской интеллигенции складывалась и специфическая психология – система представлений, потребностей, интересов, идеалов, целей; одним словом, своя система ценностей.

Наиболее полно такую преемственность можно проследить на примере известной семьи строгановских служащих – Теплоуховых. Родоначальником династии «служителей» был Николай Спиридонович Кочергин–Теплоухов (1749 (1750)–1812) – мельничный служитель; его сын – Ефим Николаевич Теплоухов (1779 (1780)–1833) – лекарский ученик, сельский приказчик, караванный. Новый этап в истории династии начинается с Александра Ефимовича Теплоухова (1811–1885) – начальника Лесного отделения Главной Санкт-Петербургской конторы Строгановых, главного лесничего и главноуправляющего строгановского майората, дело которого продолжили его потомки: Федор Александрович Теплоухов (1845–1905) – главный лесничий; Александр Александрович Теплоухов (1849–1908) – окружной лесничий Добрянского и Ильинского округов, член Ильинского

окружного правления; Александр Федорович Теплоухов (1880–1943) – помощник главного лесничего Пермского нераздельного имения; Анатолий Александрович Теплоухов (1885–1940) – помощник лесничего Добрянского округа.

Но именно существование первых двух поколений крепостных служителей Теплоуховых стало тем фундаментом, без которого, вне всякого сомнения, никогда не появились бы в семье интеллигенты в полном смысле этого слова: всесторонне образованные, отличавшиеся профессионализмом в основных сферах своей деятельности, безупречно воспитанные (в чисто поведенческом и нравственном смысле), жившие во многом ценностями «высшего порядка».

Ярчайшим представителем этой династии, без сомнения, является Александр Ефимович Теплоухов. Пройдя курс обучения в Ильинском приходском училище, которое давало качественное среднее образование, он мог бы сразу поступить на службу в имение, и на этом закончились бы его «штудии», но удача улыбнулась ему: в 1824 году графиня Софья Владимировна Строганова открывает в Санкт-Петербурге школу земледелия и горнозаводских наук, для обучения в которой отбираются лучшие выпускники училищ имения. В числе них оказался и Александр.

Школа предоставляла профессиональное образование, приближавшееся по своему уровню к высшему. Среди ее преподавателей были и профессора высших учебных заведений столицы. Экзамены в школе были публичными – их посещал цвет петербургской интеллигенции, а результаты освещались в прессе. В марте 1830 года газета «Северная пчела» поместила сообщение о выпускных экзаменах в школе, где, в частности, говорилось: «Теплоухов весьма удовлетворительно изъяснил теорию и действие паровых машин, которых употребление приносит неисчислимы выгоды; потом он же представил разные методы счетоводства и показал превосходство двойной или итальянской бухгалтерии». Александр и еще шесть других лучших учеников поразили пре-

красным знанием немецкого языка, что особенно удивительно, так как разговорной практики они не имели.

1 апреля 1830 года Александр Теплоухов закончил горное отделение школы с аттестатом высшего разряда. Что дальше? Мог ли крепостной мечтать о продолжении образования? Ведь известно, что доступ в высшие учебные заведения для крепостных был практически закрыт. Но способный юноша смог обратить на себя особое внимание владельцев. И после трехлетней службы в Главной Санкт-Петербургской конторе Строгановых Александр направляется графиней Софьей Владимировной в Саксонию, в Тарандскую лесную академию для обучения лесоводству.

Товарищ А.Е. Теплоухова, лесовод М.Б. Бульмеринг, писал, что «по окончании лесной королевской академии в Тарандте строгановский крепостной подвергнулся наравне с туземными воспитанниками строгому письменному и устному экзамену, был снабжен одобрительным аттестатом и ... принят, наконец, волонтером в королевское заведение для измерения и начертания хозяйственного плана государственных лесов... Отличный аттестат доказывает, что Теплоухов при занятии сей важнейшею и труднейшею частию лесоводства оказал возможное прилежание и успехи, каковыми и обратил он благосклонное внимание Саксонского лесного управления...».

Настойчивость в изучении теории и практики лесоводства была у Теплоухова не случайной: ведь он сам выбрал эту отрасль, видя, какое внимание пробудилось повсеместно к лесному хозяйству, и имея представление о состоянии лесов в Пермском майорате Строгановых. Несомненно, так твердо идти к намеченной цели мог человек, уже сформировавшийся как личность, обладавший особыми моральными качествами. Большое впечатление производят в этом смысле слова уже упоминавшегося М.Б. Бульмеринга в его письме к А.Е. Теплоухову, написанном много лет спустя, в 1858 году: «Весьма немногие из бывших Ваших товарищей получили общее образование наравне с

Вами; и это образование присвоили Вы себе единственно собственным старанием... Сметливость и находчивость составляют отличительную Вашу черту. Все это сопряжено с благородством души».

В основе системы ценностей А.Е. Теплоухова лежала творчески-трудова ориентация. Она обуславливала сплетение значимости нескольких, на первый взгляд, самостоятельных, психологических моментов в теснейший, неразрывный конгломерат: а) первостепенность службы, т.е. служебной, иногда – чисто административной деятельности, направленной на процветание строгановской вотчины; б) осязаемая весомость научной стороны этой деятельности, опирающаяся на любовно-творческое отношение к своему делу, высокий уровень профессионального образования, постоянное стремление к пополнению знаний, к самоусовершенствованию; в) мотив общественной пользы всякой деятельности интеллигента, зачастую принимавший форму патриотизма: «...Научась в Германии любить свое Отечество, я имею и буду иметь в виду кроме интереса моих доверителей (Строгановых – Н.Г.) и пользу общую. Я еще молод практической службой на поприще наук лесоводства, но пламенная моя любовь к сему предмету, надеюсь, сделает меня полезным хотя сколько-нибудь любезному моему Отечеству», – писал А.Е. Теплоухов в своем рапорте в Императорское Вольное Экономическое общество в 1845 году.

Выдающаяся деятельность Александра Ефимовича Теплоухова в области теоретического и практического лесоводства широко известна и признана не только в России, но и за рубежом. Подробно исследовавшие его вклад в эту сферу ученые так оценили А.Е. Теплоухова-лесовода: «История русского помещичьего лесного хозяйства не знает другого примера, когда в таком большом масштабе развертывалась бы творческая деятельность лесничего, поставившего перед собой задачу наладить лесное хозяйство на сотнях тысяч га лесов, учитывая интересы крестьян и будущее наших лесов». С ними нельзя не согласиться.

Приехав в 1847 году, после закрытия Санкт-Петербургской строгановской школы, на прикамскую землю, бывший начальник лесного отделения и новоиспеченный Главный лесничий незамедлительно приступил к реализации своей цели – «приведению лесов Пермского имения в известность».

Более чем 30-летняя работа А.Е. Теплоухова в лесном хозяйстве Строгановых показывает, что он умел действовать. Несмотря на то, что Александр Ефимович не был сторонником новаторства как такового, его лесохозяйственная деятельность фактически состояла из нововведений, так как этого требовало состояние тогдашнего русского лесоводства в целом и лесного хозяйства Строгановых в частности. По инициативе и под руководством А.Е. Теплоухова леса в майорате Строгановых были «приведены в известность»: в 1841–1854 гг. была впервые проведена полная подробнейшая съемка лесов имения, в результате которой на план было нанесено 1 024 502 десятины – по оценке современных исследователей лесоводческой деятельности А.Е. Теплоухова, «работа, по своим масштабам и детализации не имевшая прецедентов в частном хозяйстве» ни до него, ни после.

Именно при Александре Ефимовиче во главе Лесного отделения Главной конторы Строгановых был утвержден особый штат лесных служащих из 243 человек, которые и должны были проводить на деле трудную кропотливую работу по лесоустройству, и именно по его настоятельному требованию лесным служащим в связи со спецификой и тяжестью их работы было повышено жалованье. В лучших молодых и среднего возраста лесах были впервые выделены особые заказные лесные участки, предназначенные исключительно для основного и перспективного использования (для функционирования наиболее крупного вотчинного производства), в которых устанавливалась правильная лесосечная рубка с целью прорезывания, закрывались дороги, производились посевы и посадки леса, проводились каналы для осушения и прочие меры; напротив, для пользования крестьян заказ-

ники совершенно закрывались, а нарушители подвергались штрафованию. В Пермском нераздельном имении была разработана особая система «лесного законодательства» – наказаний за хищения леса, самовольные порубки и т.д.

Подробно раскрывать и анализировать вклад Александра Ефимовича в развитие лесоводства – не наша задача: это уже сделано специалистами, но не упоминать об этом, рассказывая о Теплоухове-человеке, невозможно. Как справедливо отмечал вотчинный лесной служащий А.А. Вологдин, работавший в майорате Строгановых на рубеже XIX–XX вв., лесосохранение «установилось прочно, на научных основаниях, только с назначением А.Е. Теплоухова... начальником Лесного отделения в 1841 году».

Любое новшество первоначально проверялось ученым лесоводом на практике, но в узком масштабе. На основе научно поставленных экспериментов Александр Ефимович решал не только теоретические, но и важные производственные задачи. В лесах майората, на специальных делянках, под руководством главного лесничего проводились опыты по акклиматизации растений, разработке методики лесных посевов, изучению побегопроизводительности и прироста лесонасаждений, установлению тяжести древесины в связи с вопросами перевозок и доставки лесных материалов к заводам, использованию новых способов сидки дегтя, влиянию на углежжение качества и степени сухости дерева и др. По распоряжению начальника Лесного отделения в 1842 году близ с. Ильинского был создан Козминский лесной заповедник (сейчас называемый «Кузьминкой»), «где бы таксатор мог производить опыты посевам и посадкам всех растущих на Урале лесовых пород». На момент основания Козминский лесной питомник занимал площадь 3 десятины 486 кв. сажень. Первые опыты в «Кузьминке» начал производить ученик А.Е. Теплоухова, выпускник лесного отделения Санкт-Петербургской школы Строгановых крепостной служащий Федор Яковлевич Бушуев, а с 1848 года работами стал заведовать сам главный лес-

ничий майората. Лесные служащие под руководством Александра Ефимовича делали подробные описания опытов, тщательно анализировали их результаты, применяя впоследствии на практике.

этом говорит хотя бы тот факт, что примитивная канцелярская работа, которой молодой Александр вынужден был заниматься на протяжении нескольких лет (1830–1833) после окончания Санкт-Пе-

Лесопарк «Кузьминка»

Результаты работы Александра Ефимовича отражены в многочисленных его публикациях по лесоводству. Особое признание получила книга «Устройство лесов в помещичьих имениях» – первое русское руководство для управляющих, лесничих и землемеров, вышедшее в 1848 году. Заслуги А.Е. Теплоухова перед лесоводческой наукой были оценены по достоинству уже при его жизни. В письме к нему от 4 февраля 1856 года директор Комитета лесоводства Московского императорского общества сельского хозяйства Н. Анненков писал: «Ваша известность на поприще Лесоводства столь громадна, что я почел первым долгом усердно просить Вашего содействия к трудам нашим».

Корни творческого подхода Александра Ефимовича к своей практической работе лежали глубоко в сознании служащего и появились задолго до начала профессионального пути Теплоухова. Об

тербургской строгановской школы, уже тогда вступала в противоречие с начинавшейся складываться творческой ориентацией: «Я замучился ныне от занятий, почти каждый день с 7 часов утра до 11 часов ночи сижу, согнувши свой горб, и переписываю бумаги или прею над проклятыми отчетами... Прекрасная работа!» – такой саркастической оценкой удостаивает юный Теплоухов свою тогдашнюю секретарскую деятельность в письме к другу.

Именно тогда, судя по всему, у крепостного служащего появляется потребность в получении более качественного профессионального образования, которое бы дало ему возможность для действительно творческой деятельности. И эта потребность была удовлетворена; к тому же выбор сферы для приложения творческого потенциала был сделан крепостным служителем А. Теплоуховым совершенно самостоятельно, в противовес первоначальному желанию хозяев, что говорит о

смелости мышления, которая, казалось бы, не должна быть свойственна зависимому человеку.

Почти нежное, трепетное, даже какое-то романтическое отношение Теплоухова-студента к природе, к лесу поражает: «Представь себе приятное утро, ... мы отправляемся в лес; пение птиц приветствует нас там; утренний ароматический воздух придает нам бодрость и оживляет воображение; с веселием взираю я на высокие столетние деревья, которые гордо расprostирают ветви свои надо мною, ... каждый цветок, каждое насекомое обращает мое внимание; я смотрю на тенета паука! С каким редким искусством утвердил он их между двумя деревьями; как ярко блистает лежащая на оных роса, солнцем освещенная; с удивлением рассматриваю я искусного мастера сей работы... Я, беседуя так с оной (Природой – Н.Г.), позабываю человека – сего жалкого спутника, отягощенного суетными заботами», – писал «воспитанник» графини С.В. Строгановой из Саксонии своему бывшему соученику по Санкт-Петербургской школе А.М. Пестрякову. Безмерная («пламенная», по определению самого Александра Ефимовича) любовь к лесоводству и стала фундаментом всего последующего его отношения к делу как творчеству.

Наиболее яркими, обращающими на себя внимание психологическими чертами молодого Александра Теплоухова как будущего интеллигента, выделяющими его из массы крепостных, являются наличие обостренного чувства собственного достоинства, четко выраженное понятие о чести, высокая самооценка, честолюбие, убежденность в своем «высшем» предназначении. Так, он, будучи секретарем графа С.Г. Строганова во время поездки в Ригу, совершенно однозначно реагирует на каждое резкое замечание владельца в свой адрес; последнему, конечно же, было не до того, чтобы выбирать выражения по отношению к крепостному и заботиться о его самолюбии. Пренебрежительное отношение к личности уже во многом сформировавшегося, хорошо образованного человека вызывает негативную реак-

цию, внутренний протест крепостного интеллигента. Словами графа по поводу нерасторопности служащего («Я тебе, любезный, уши выдеру!») А. Теплоухов был по-настоящему удручен: «Эта *выходка* вышибла у меня из головы весь страх и была причиной большого уныния; выдрать уши, как у семилетнего ребенка!». Еще более бурной была реакция молодого человека на критику хозяина в отношении исполнения секретарем своих служебных обязанностей: «Ты переписываешь, как дитя; ну как можно, что все наши бумаги, как пластырь, замазаны; если ты не можешь ... разбирать руки моей по смыслу, то я лучше буду сам переписывать». Хотя служащий и признает справедливость критики, но форма, в которой она выражена, производит на Теплоухова настолько тягостное впечатление, что он впадает в настоящую депрессию. 27 апреля 1831 года он пишет в своем дневнике об отчаянии по поводу сказанных графом слов, «которые, как камень, лежат на сердце и тяготят»: «Целый день хожу, как не свой, ни есть, ни пить – ничего не хочется... Духом и телом совершенно упал»; «...не думаю, чтоб это было наяву». 28 апреля: «Вчерашний день был для меня самый несчастный... Это все равно, что меня выставить на народную площадь близ столба с надписью: дурак. Это меня совершенно сразило; я, как безумный, бежал за Двину... Самолюбие мое жестоко оскорблено». Подобная реакция крепостного человека на дежурное замечание владельца была вызвана высоким уровнем самоидентификации личности, развитым чувством собственного достоинства у данного представителя слоя крепостных служителей, тогда еще занимавшего лишь первые ступеньки в должностной иерархии.

Философские размышления молодого Александра о смысле жизни, о предназначении человека могут показаться довольно примитивными, но они дают нам первоначальное представление об уровне его самосознания: «В сей жизни даны познания и раскрыты способности, необходимые для собственного пропитания и для служения виновникам сего образования

(т.е. владельцам – Н.Г.), и где просвещен ум мой для самочувствия и наслаждения жизнью, ибо один труд и питание не составляют как бы единственной отдельной цели бытия нашего... И лошадь работает и ест, но главное и высокое назначение человека есть прославление Бога и наслаждение его творением».

На страницах дневника А.Е. Теплоухова, относящегося к юношескому периоду, мы встречаем интереснейшее описание посещения им немецкого кладбища в Риге, которое помимо простого, хотя и довольно яркого повествования, содержит размышления молодого крепостного о бренности богатства, славы, власти: «...Посредине кладбища стоит подвал – я зашел в него: множество гробниц, великолепно убранных, лежат одна на другой. Здесь покоятся знатные фамилией и богатством; вот их почести, вот богатство: тесный гроб заменил великолепные дома, вся слава и власть покрыты гробовой доской. О вы, гордящиеся своим могуществом и славою и почитающие себя выше всех. И вы, наслаждающиеся всеми временными благами – помыслите о будущем; заходите чаще в сие мирное пристанище и вспомните слова Державина:

Вот здесь, когда меня не будет,
Вот здесь уляжется мой прах,
На месте сем меня разбудит
Един глас трубный в небесах...».

Это, вроде бы совершенно нейтральное, описание говорит о том, что в своей системе ценностей материальные блага, славу, власть строгановский «служитель» ставит явно не на первое место.

Юному крепостному «не чуждо ничто человеческое», в том числе и восхищение «слабым» полом: «Прекрасный весенний день вызвал жителей из зимних берлогов их... Какие милые фигуры!.. А женщины? Не стану изображать их выбранными из нежных романов., скажу только, что они прекрасны, нежны видом и стройны, как грации...».

На страницах дневника Александра есть и записи о прочитанных книгах, которые дают некоторую информацию об эмоциональности юноши, романтичности его молодой природы. Двадцатилетний Те-

плоухов увлекается поэзией – Державиным, Баратынским, Батюшковым: «Сочинения сии доставляют мне в моей уединенной жизни истинное наслаждение». Сильное впечатление производит на него роман А.С. Пушкина «Рославлев»: «Приятный и столь занимателен, что я почти две ночи употребил для его прочтения, да две ночи бредил о небесной сентиментальной его Полине, которая своими несчастиями совершенно отравила мое двухсуточное душевное спокойствие». Следует отметить, что круг чтения крепостных служащих резко менялся вместе с повышением уровня образования. В семьях крепостных служащих закладывались основы книжной культуры. Окунувшиеся в столичную культурную среду выпускники Санкт-Петербургской строгановской школы – бывшие жители пермских сел и заводских поселков – лучше узнавали, больше начинали любить и ценить русскую классическую художественную литературу.

Наверное, личностные качества крепостного юноши и привлекли внимание Розамунды Крутч (1821–1857) – его будущей жены. Их история передавалась в семье из поколения в поколение. Правнучка Александра Ефимовича М.В. Вологодина рассказывала: «Прадед был женат на немке – Розамунде Крутч. Они были помолвлены очень долго, но не могли связать свою судьбу, потому что Александр Ефимович был крепостным, а Розамунда Карловна – дочерью профессора Тарандской академии... Отец не отдавал за крепостного человека свою дочь. Александру было поставлено условие, чтобы он получил свободу. И эту свободу дала ему графиня Софья Владимировна Строганова. В 1843 году молодожены повенчались, потом вернулись в Петербург...». До 1847 года Александр Ефимович преподавал лесные науки в той самой школе, которую когда-то закончил. Теперь в ней помимо земледельческого и горного отделений открылось и лесное. Так как учебных пособий по лесоводству в России не было, Александр Ефимович лично разрабатывал все лекционные курсы и программы практических занятий.

Вообще, про всех Теплоуховых-лесоводов можно сказать, что их отличали глубоко научный подход к своей лесохозяйственной деятельности, неразрывный с обширной личной практикой, невероятная трудоспособность, на основе этого – требовательность к подчиненным служащим, строгая, но справедливая оценка выполнения ими служебных обязанностей и в то же время – забота о расширении их познаний в науке и практике лесоводства, а зачастую и об их моральном облике, о занятиях в часы досуга, другими словами, об их частной жизни.

Но, конечно, больше всего сил, знаний и умений родоначальник династии лесоводов вложил в своего старшего сына Федора Александровича, который стал главным наследником, продолжателем дела отца. С самого детства Федора Александр Ефимович заботился о том, чтобы та атмосфера интеллигентности, культуры, которая царил в доме главного лесничего пермского строгановского имения в Ильинском, во многом созданная его женой Розамундой Карловной и ее сестрой Паулиной (последовала за молодоженами Теплоуховыми из Саксонии на далекий Урал), оставалась неприкосновенной. Александр Ефимович предполагал перво-

начально отправить сына по завершении курса гимназии в Дерптский университет, который «почитал лучшим в России». Но судьба распорядилась иначе: Федор Теплоухов продолжил учебу в том же заведении, которое окончил его отец – в Тарандтской лесной академии. Обучался за границей сын бывшего крепостного также на средства Строгановых. Кстати, и младший его брат – Александр Александрович Теплоухов, а впоследствии и сын, Александр Федорович, также получали лесное образование в Тарандте.

После окончания Тарандтской, а затем Петровской земледельческой и лесной академии в Москве и получения степени кандидата лесоводства Федор Александрович в 1873 году отказывается от мыслей о сугубо научной карьере и переезжает в Ильинское.

Начало службы Федора Теплоухова в строгановской вотчине происходило под непосредственным руководством отца: последний составил «инструкцию» о занятиях сына по приспособлению к лесной службе. «Занятия его во время практической подготовки должны быть те же, как и у других воспитанников бывшей Лесной и Земледельческой школы, которые образованы были в должности лесничих.

Дом Теплоуховых в с. Ильинском

Все занятия, как в лесу, так и письменные, совпадают в одно время, ибо одно другому помогает». Александр Ефимович передавал Федору на практике в течение почти двух лет свои знания и опыт; о становлении как лесного служащего младшего сына Александра заботился и сам лично, и поручая его непосредственную опеку своим уже работающим ученикам.

Высших строгановских служащих отличал критический подход к своей деятельности, но этой критике обычно предшествовал глубокий и всесторонний анализ той части вотчинного механизма, к которой были обращены творческие замыслы служащего. Интересный и показательный в этом смысле факт, хотя и относящийся уже к 70-м годам XIX века: старший сын А.Е. Теплоухова Федор, который приступил в 1873 году к службе в майорате также по лесохозяйственной части и в ближайшей перспективе должен был сменить отца на посту главного лесничего, получил от Александра Ефимовича конкретное и недвусмысленное указание, сформулированное в официальном документе: изучить все имеющиеся письменные дела, касающиеся устройства хозяйства, его ведения и «главных административных и технических мер», т.е. ни больше, ни меньше – изучить историю вотчинного хозяйства Строгановых и в первую очередь – лесного хозяйства, так как «только тогда можно узнать все причины и обстоятельства, вызвавшие и укрепившие введенный доселе порядок». Нет ни малейших сомнений и в том, что сам Александр Ефимович, приступая к «приведению лесов Пермского имения в известность», был уже достаточно ознакомлен с «предысторией» вопроса. Это в полной мере подтверждают его опубликованные работы, в особенности – упомянутое «Устройство лесов в помещичьих имениях» и «Краткое описание лесохозяйства в Пермском майорате графов Строгановых».

Высших строгановских «управленцев», к которым принадлежали Теплоуховы, с полным правом можно назвать элитой слоя крепостных (и посткрепостных) служащих. Поразительный пример соци-

ального самосознания по уровню четкости представления об особом месте и роли «элиты» в массе вотчинных служащих наблюдаем уже у 20-летнего крепостного Александра Теплоухова – будущего Главного лесничего Пермского нераздельного имения графов Строгановых. В письме соученику по Санкт-Петербургской строгановской школе А.М. Пестрякову от 17 августа 1831 года А. Теплоухов извещает его о своем посещении Московской земледельческой школы, об общении с учащимися и, в частности, говорит: «Я удивлял моих слушателей, рассказывая им об отеческом об нас попечении Господ наших, старании их вывести *нас из обыкновенного круга раболепных и недостойных служителей*; они дали нам просвещение, а посему *мы не должны служить им, как другие* (курсив наш – Н.Г.); мерзкое незаконное стяжание корыстию, наружное почтение и повиновение и подлая месть должны быть нами презрены, но исполнение должных обязанностей по возможности, чистая совесть, прямотушие и искренняя сыновья любовь к добрым господам и начальникам – вот прямые средства угодить Богу и людям, вот источник счастья и душевного спокойствия; пусть я буду беден, пусть недоброжелатели кривыми путями отвратят от меня взоры начальников – я буду с радостью говорить: «Я невинен и служил по силе данных мне от Бога способностей, действовал по совести и никого не обманывал...». В этих словах заключен своеобразный манифест, квинтэссенция осмысления себя, но осмысления уже не просто вотчинным служащим, а, напротив, определенное выделение себя и себе подобных из массы крепостных «служителей» в особый слой, для которого наиболее подходит другой термин – «интеллигенция»; интеллигенция не только как группа образованных людей, но как носительница духовных, нравственных ценностей.

Конечно, далеко не все строгановские служащие думали именно так, как юный Александр Теплоухов. Но все они, так или иначе, осознавали свою специфичность, свое отличие от других крепостных в вотчине, свою принадлежность к

социальной группе, которая выполняла особую миссию: *служить*. Служить на пользу владельцев, вотчины, Отечества. Главный лесничий строгановского майората А.Е. Теплоухов лаконично выразил эту мысль так: «Я служу делу, науке и имению Строгановых – моему Отечеству». А его ученик А.Я. Россомахин писал своему наставнику от лица молодых служащих пермских вотчин Строгановых, что он и его товарищи посвятили себя «единственно на всю жизнь одной Науке Лесоводства».

Будучи начальником Лесного отделения Главной Санкт-Петербургской конторы Строгановых, потом – Главным лесничим и в некоторые периоды – главноуправляющим строгановского майората, А.Е. Теплоухов особенное внимание уделял тщательной разработке кадровой стратегии и тактики в горнозаводской вотчине, посвятил практически всю свою жизнь подготовке служительских кадров для Пермского нераздельного имения. «По роду службы своей, – писал он в 1860 году, – я в течение 20-летнего времени хорошо ознакомился с значением разных должностей имения, особенно занимался образованием служителей, более всех начальствующих лиц ездил по округам и был в близких служебных отношениях со всеми служителями, узнав удобства их жизни и тягость службы». Поэтому не удивительно, что у А.Е. Теплоухова имелось собственное представление о том, как нужно формировать вотчинный административно-управленческий аппарат.

Как видим, А.Е. Теплоухов был разносторонней личностью. Один тот факт, что главный лесничий являлся членом пятнадцати научных обществ, говорит сам за себя. Широкое признание получила среди русских и зарубежных археологов его коллекция «чудских древностей», владельцем которой Александр Ефимович стал в 1864 году после смерти ее первого владельца – главноуправляющего строгановским майоратом Василия Алексеевича Волегова (тоже бывшего крепостного, интереснейшего человека, краеведа – историка, этнографа, фольклориста). Александр Ефимович и Федор Александрович

Теплоуховы серьезно занимались археологией, значительно приумножили коллекцию. Именно с этой семьей связаны целенаправленные исследования археологических памятников Прикамья, и не только активная собирательская деятельность, но и значительные для того времени археологические раскопки. В начале 20-го века выдающаяся коллекция Теплоуховых была опубликована крупнейшим российским археологом академиком А.А. Спицыным, который лично бывал в Ильинском у Федора Александровича. Последний был также известен как энтомолог, орнитолог и ботаник; имел ценные коллекции в этих областях, которые были подробно им изучены, описаны и представляли, по оценке специалистов на момент смерти Ф.А. Теплоухова, ценное научное достояние.

Высший слой крепостных служащих можно с полным правом назвать интеллигенцией в узком значении этого слова. Помимо квалифицированного исполнения своих основных профессиональных обязанностей, строгановские интеллигенты отличались широким кругом интересов. Они находили время заниматься научно-исследовательской, общественной, педагогической деятельностью.

Одним из значительных факторов, влиявших на формирование особой культурной среды в пермских строгановских вотчинах, было то, что служительская интеллигенция придавала большое значение образованию, была инициатором создания в имениях школ, библиотек. Так, А.Е. Теплоухов снабжал лесных служащих майората специальной литературой из своей личной библиотеки, а также много лет преподавал в Ильинском приходском училище и был «домашним» учителем, за что удостоился особых наград от Министерства просвещения. Ф.А. Теплоухов в 70-х гг. 19-го века принимал самое непосредственное участие в открытии и работе лесной чертежной школы в с. Ильинском, передавая свой теоретический и практический багаж молодому поколению. На средства служительской элиты формировался и пополнялся книжный фонд Ильинской общественной биб-

Ильинская молодежь – потомки крепостной строгановской интеллигенции. Начало XX века. Стоят: первая справа – Анна Федоровна Теплоухова, третий справа – Александр Федорович Теплоухов, пятая справа – Мария Фёдоровна Теплоухова. Сидит вторая справа – Нина Федоровна Теплоухова

лиотеки, которая в 1858 году насчитывала 558 наименований (1 385 томов). Существовали в Ильинском и других центрах имения достаточно разнообразные по составу библиотеки и при правлениях, формировавшиеся на средства владельцев. Книга прочно вошла в повседневную жизнь строгановских служащих, помогая осуществлять профессиональную деятельность, поддерживать соответствующий образовательный и культурный уровень, развиваться.

Вся служительская интеллигенция увлекалась и театром. В Ильинском он существовал с 20-х гг. XIX до начала XX века. Ставили драматические и музыкальные спектакли и в других центрах строгановского имения. Репертуар был разнообразен: от классики (Островского, Гоголя, Пушкина) до водевилей. Все роли исполняли сами служащие; они же обеспечивали художественное и музыкальное оформление. Хотя театр был любительским, им восхищались даже заезжие гости, о чем оставил воспоминания известный русский писатель Мельников-Печерский.

Это лишь отдельные черты, характеризующие строгановскую служительскую интеллигенцию, которая всей своей жизнью и деятельностью способствовала формированию на территории этого региона особой культурной, духовной атмосферы.

Но вернемся к Теплоуховым. До конца своей жизни Александр Ефимович оставался ильинцем. Дом Теплоуховых в Ильинском был окружен прекрасным садом (причем традиции садовой и цветоческой культуры в семьях строгановских служащих заложил именно Александр Ефимович, который после сильнейшего пожара в Ильинском в 1842 году настоял на повсеместном насаждении деревьев и кустарников в палисадниках для отделения одного дома от другого). Во дворе дома главного лесничего имелись теплицы и парники, выращивались спаржа, томаты, цветная капуста, а также дыни, впервые распространенные в Ильинском Теплоуховыми. Этот дом был центром культурной жизни не только строгановских вотчин: Александра Ефимовича,

а потом и Федора Александровича часто посещала и пермская интеллигенция, и ученые из других городов России и зарубежных стран. Их привлекали как научные коллекции Теплоуховых, так и сама атмосфера этого дома.

ховного уровня, с которыми они сосуществовали в селе Ильинском. Теплоуховы никогда не смешивали человеческое отношение и панибратство, держали определенную дистанцию с теми строгановскими высшими служащими, которые не

Дом Теплоуховых (вид со двора)

Семье была свойственна высокая культура повседневной жизни, быта. По воспоминаниям внучки Ф.А. Теплоухова М.В. Вологдиной, в доме деда практически никогда не употребляли алкогольные напитки (за исключением случаев угощения гостей), не играли в карты (были другие занятия); никто никогда не ходил по дому в халатах и тем более – в пижамах и домашних туфлях; за столом и в обычные дни полагалось быть безупречно одетыми: мужчинам – в крахмальных воротничках, дамам – в соответствующих туалетах; неприличным считалось громко кричать, хохотать и т.п. Большинство членов семьи говорило на нескольких иностранных языках.

Несмотря на внешнюю сдержанность, характерную для людей с хорошими манерами, семья отличалась определенным либерализмом, терпимостью, отсутствием какой-либо заносчивости по отношению к людям более низкого социального, материального, образовательного и ду-

совсем соответствовали их представлениям о порядочности, культуре, но, в то же время, не демонстрировали своего превосходства, отчужденности, были всегда гостеприимны, дружелюбны.

Хранительницами традиций в лоне семьи во многом являлись женщины Теплоуховых, начиная с Розамунды Карловны и заканчивая внучками Александра Ефимовича Анной, Марией, Ниной, Надеждой. В этом дают возможность убедиться воспоминания Марии Федоровны Вологдиной (урожденной Теплоуховой) и ее дочерей: в них – дух семьи, особый менталитет строгановской служительской элиты 19-го – начала 20-го века, который бережно передавали потомки Теплоуховых из поколения в поколение.

В своем завещании А.Е. Теплоухов написал: «Главный капитал лежит не в материальном наследстве, состоящем из бранных и сгораемых вещей, а в христианских и гражданских добродетелях, в уме, знании наук и трудолюбию, которые

Ф.А. Теплоухов с родными и близкими Начало XX века. Сидят: первая слева – Анна Федоровна Теплоухова, второй слева – Федор Александрович Теплоухов. Стоят: вторая слева – Мария Федоровна Теплоухова, пятая слева – Нина Федоровна Теплоухова

Семья Теплоуховых в саду у дома в Ильинском у фонтана

я всего более старался оставить им (детям – Н.Г.) в наследство...». Эти старания «патриарха русского лесоводства» не пропали даром: в следующих поколениях семьи возродились многие черты, являвшиеся атрибутами еще крепостной строгановской интеллигенции. После смерти А.Е. Теплоухова его дети не стали представлять на утверждение в окружном суде завещание отца, а решили разделить между собой все оставшееся после покойного наследство по добровольному соглашению, следуя, как они отметили, «только общему духу завещания». Самую большую для них ценность – семейный и научный архив отца, как и богатейшую археологическую коллекцию, принял на хранение, согласно общему решению на-

следников и воле покойного Александра Ефимовича, Федор Александрович.

Фамилия Теплоуховых прекратила свое существование: потомков по мужской линии не осталось. Но потомки по женской линии бережно хранят память о своих предках, особенно трепетно – об основателе династии ученых-лесоводов – Александре Ефимовиче Теплоухове, крепостном из Ильинского. Не сохранить эту память мы, живущие на родной земле Теплоуховых, не имеем права.

Было бы логично, если бы именно бывшая столица строгановских вотчин – Ильинский, а также Пермь стали центром сохранения атмосферы образованности и культуры, лучших традиций и наследия служительской интеллигенции.

Библиографический список

1. Бейлин И.Г., Парнес В.А. Александр Ефимович Теплоухов. – М., 1969.
2. Голохвастова Н.В. Крепостные служащие в системе управления уральского горнозаводского имения в конце XVIII – первой половине XIX века (на примере пермских вотчин Строгановых). – Пермь, 2004.
3. Голохвастова Н.В. Рижский дневник А.Е.Теплоухова как источник по истории крепостных служащих пермских вотчин Строгановых (конец XVIII – первая половина XIX века) // Строгановское историческое собрание: материалы заочной конференции историков и краеведов Пермского края. – Пермь, 2010. – С. 42–48.
4. Голохвастова Н.В. Теплоуховы как представители служительской интеллигенции пермских вотчин Строгановых // Проблемы озеленения городов и развития лесного комплекса: сб. науч. тр. науч.-техн. конференции, посвященной 160-летию Ф.А. Теплоухова. – Пермь, 2005. – С. 94–102.
5. Калинина Т.А. Село Ильинское как один из центров просвещения крепостного населения // Сторонушка Ильинская: сб. материалов науч.-практ. конференции «Уникальные исторические, культурные и природные комплексы: проблемы сохранения, изучения и использования». – пос. Ильинский, 1996. – С. 48–57.
6. Мельничук А.Ф., Лепихин А.Н. Археологические памятники Ильинского района Пермской области // Сторонушка Ильинская ... – С. 11–21.
7. Мухин В.В. Крепостные служащие вотчинных имений Урала в первой половине XIX века // Общественная и культурная жизнь дореволюционного Урала. – Пермь, 1996. – С. 17–25.
8. Теплоухов А.Е. Исторический взгляд на лесохозяйство в Пермском нераздельном имении графов Строгановых. – Пермь, 1881.
9. Чернов Н.Н. Лесное хозяйство Пермской губернии. Краткий исторический очерк. – Екатеринбург, 2004.
10. Чуракова Т.П. История «чудской» коллекции С.Г. Строганова (по документальным материалам Пермского областного краеведческого музея) // Строгановы и Пермский край: материалы науч. конференции. – Пермь, 1992. – С.156–159.